

От изоляции к инклюзии: стратегии коммуникации с людьми с ментальной инвалидностью

Научный руководитель – Андерсон Кирилл Михайлович

Мокрецова Екатерина Николаевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра истории социально-политических учений, Москва, Россия

E-mail: galatara@mail.ru

Вопрос «Как понимать тех, кого мы не понимаем?» из сферы личностной рефлексии, кажется, переместился в социальную плоскость и сегодня представляет творческую задачу осмысления не только для психиатрического экспертного сообщества, но и для политиков, политологов, градостроителей, преподавателей, бизнесменов. Распространение леволиберального дискурса и имплементация государства всеобщего благосостояния выводят проблему инклюзии в публичное поле и политическое измерение. [1]

Сумасшествие [U+0336] ментальная инвалидность. За последний век язык описания этого феномена изменился до неузнаваемости. Мишель Фуко успел стать классиком Disability Studies. «Безумие было, с одной стороны, всецело исключено из мира, а с другой – всецело объективировано, но никогда не было явлено само по себе, говорящим на своем собственном языке» [3] - так может быть выражен хрестоматийный тезис об изоляции безумцев из дискурса, из социальных отношений, из физического публичного пространства. Опираясь категориями Фуко, можно сформулировать суть инклюзии таким образом: вернуть безумию видимость, субъектность и признать за ним право на артикуляцию интересов и участие в дискурсе.

«История безумия» была написана в 1961, с тех пор, через антипсихиатрическое движение, через политический активизм, принятие международных конвенций, концепт безумия претерпел любопытные метаморфозы. Инклюзия стала новым кодексом в создании стратегий взаимодействия с «ненормальными» людьми .

На языке ментальных отклонений с нами говорит массовая культура, город становится «доступным», этика [U+0336] политкорректной. По всем фронтам тенденция на дестигматизацию, утверждение и реабилитацию ментальных расстройств. Но было бы наивно полагать, что дисциплинарная власть Фуко развеялась по ветру вместе с антигуманными практиками психиатрии. Вероятнее окажется предположение, что эта дисциплинарная власть стала гибче, хитрее.

Еще в 1990 году устаревание интуиций Фуко констатировал Делез, возвещая о «прогрессивной и дисперсной инсталляции новой системы доминанции» [2] - обществе контроля. В обществе контроля власть реализуется посредством того, что побуждает объект властвования всегда оставаться на связи. Иными словами, общество контроля невидимому предпочитает видимое, неосознанному - осознанное и следует принципу «держи врагов еще ближе». В обществе контроля существует зазор между инклюзией и подлинной делиберацией ментальной инвалидности.

В случае невидимой инвалидности не существует средств, которые могли бы сделать среду доступной. Проблема в том, что условно здоровому человеку невозможно получить такой же опыт, какой ежедневно получает человек с ментальной инвалидностью, находясь в окружающей среде. Например, чтобы понять человека с нарушениями зрения, можно закрыть глаза и двигаться на ощупь, а чтобы понять человека неслышащего, можно закрыть уши и действовать в тишине. Человека с интеллектуальной недостаточностью

(например, с синдромом Дауна) понять гораздо труднее. А для человека с аутизмом это практически невозможно, поскольку его отличает нарушение социального взаимодействия и коммуникации. У него другое устройство психики, нервной системы, другое мышление, совершенно иные потребности. Под вопрос должна быть поставлена сама возможность интеграции людей с инвалидностью в общество, если только мы не хотим заставить их играть по правилам условно здоровых людей.

Зеркальная ситуация происходит в отношении людей с физической видимой инвалидностью. Условно-здоровые люди, обладая набором негативных установок и предрассудков, отказывают в ментальной состоятельности, например, людям в колясках. Также и с ментальной инвалидностью: поскольку она часто невидима, условно-здоровые люди не признают за инвалидами внутренней самости и выстраивают коммуникацию с ними на колониалистских позициях. Между тем, такая коммуникация требует гораздо большей чуткости, понимания, возможно, специального образования и навыков, чем мог бы предположить условно-здоровый человек, даже дружелюбно настроенный к инвалиду. И даже при этих условиях успех коммуникации не может быть гарантирован.

Сегодня в процессе принятия политических решений все чаще применяется принцип «ничего для нас без нас». Согласно этому принципу, на этапе целеполагания и разработки инклюзивного проекта привлекаются люди, которые будут пользоваться конечным продуктом. Это положительная тенденция, но этого не достаточно. Практики взаимодействия с психическим нездоровьем все еще остаются репрессивными, хоть и на качественно новом уровне.

Возможности интеграции человека с ментальной инвалидностью в общество напрямую зависят от готовности общества его принять. Несомненно, на этом поприще инклюзия осуществляет важную репрезентативную функцию. Однако, вопрос о целях инклюзивной политики заслуживает быть пересмотренным.

Источники и литература

- 1) Arts, K. 2017. Inclusive sustainable development: a human rights perspective. *Current Opinion in Environmental Sustainability* 24: 58-62.
- 2) Жиль Делез “Переговоры” СПб. “Наука” 2004.
- 3) Мишель Фуко, «История безумия в классическую эпоху», М., 2010